

Глава 2. Реинкарнация человека.

Шуршал осенний ветер.

Чем ближе Ван Чун подходил к большому залу, тем больше он нервничал. Возможно, только когда вы потеряете кого-то, вы поймете, насколько они дороги для вас.

Он прожил свою предыдущую жизнь в оцепенении, не заботясь ни о чем и не позволяя ничему его беспокоить. Трудно было себе представить, что простой прием пищи заставит его так нервничать.

«Это должно быть то, что называют страхом возвращения на свою родину».

Ван Чун пробормотал. Подняв голову, он увидел массивные ворота с двумя головами львов на них, один слева, другой справа. Обеденный зал его семьи был прямо напротив.

Клан Ван не был великим кланом благородства и, как таковой, он не был строго ограничен традициями и приличием. Однако это был клан генералов. Его мать, возможно, не создала много правил, чтобы ограничить их действия, но они все еще должны были поддерживать этикет, подходящий к великому роду.

У клана Ван было много потомков. Однако, независимо от того, кто это был, и это было, в том числе и от его отца, до тех пор, пока они были в столице, им приходилось возвращаться домой на еженедельные семейные сборы. Все собирались вокруг огромного круглого стола и делились гармоничной едой.

Это был последний день Ван Чуна. Это было его первый семейный сбор за последние семь дней. Однако то, что беспокоило Ван Чун, было не это.

Если бы дела обстояли так же, как в его предыдущей жизни, в это время его отец должен был вернуться домой уже сейчас. Из-за официальных обязанностей отца он часто уходил из дома рано утром и возвращался только поздно вечером. Даже будучи его сыном, он не мог встретиться с ним, когда захочет.

После этого инцидента его отец быстро покинул столицу в военных казармах. Скорее всего, в следующие полгода он не сможет с ним встретиться.

Если он хочет предотвратить этот инцидент, чтобы изменить судьбу его клана, это семейное собрание будет наилучшей возможностью для него, так же как и для последнего.

Но будет ли отец верить ему?

Вспоминая, каким он был тогда, Ван Чун замолчал.

Каждый пожинает то, что он сеет. В своей предыдущей жизни он всегда считал себя трансцендентным и действовал как гедонист. Принимая жизнь как игру, он совершил много разных нелепых действий.

В самом начале он упорно хотел побродить по этому миру неторопливо и дурачась. Таким образом, он оставался вне дня и ночи и создал много плохих компаний.

«Ма Чжоу», о котором говорила его младшая сестра, был одним из них.

В своей предыдущей жизни Ван Чун был прямым и честным человеком. Он не думал глубоко о

вещах. Он часто думал, что, так как они были друзьями, они должны относиться друг к другу с искренностью. Никогда бы он не подумал, что другие отпрыски так коварны. На первый взгляд они относились к вам как к своим братьям, но за вашей спиной, они бросали в вас ножи.

Эти люди использовали свое имя, чтобы одурачить его извне. В конце концов, его даже обвинили в том, что он насильвовал женщину с села при дневном свете.

Другие вопросы можно было бы простить, но «изнасилование женщины-сельчанки» было действительно за краем. Даже его отец, который часто бывал на полях и редко вмешивался в его дела, узнав об этом, вернулся посреди ночи.

После этого Ван Чун был арестован в течение недели из-за этого.

В связи с этим он полностью разочаровал отца. В период после его трансценденции, даже несмотря на то, что он был мятежен и часто совершал неправомерные действия, он не дошел до такой степени.

Но изнасилование женщины-сельчанки ...

Это уже бросало вызов нравственным границам его отца. С этого момента отец потерял всякие надежды на этого сына и больше не беспокоился о нем.

Ван Чун только через много лет после инцидента понял, что с ним так поступил Ма Чжоу и другие ублюдки, и он был крайне подавлен в течение длительного периода времени.

Хотя он знал об этом, он, вероятно, не смог бы все объяснить своим родителям. Кроме того, если бы не его неспособность видеть истинные лица других, он бы не был предан. Учитывая текущие эмоции, испытываемые его отцом и матерью, они никак не могли прислушаться к его словам.

В конце концов, что мог бы сделать или сказать невежественный плейбой?

В этот момент Ван Чун почувствовал сильную горечь в своем сердце. У него не было выбора, кроме как проглотить свою горечь, которую он сеял.

«Независимо от этого, я не могу продолжать вести себя как придурок. Мне нужно изменить отношение отца ко мне».

Ван Чун полностью осознавал, что у него только этот семейный обед, чтобы изменить представление о нем родителей. Он должен был заставить их понять, что он уже не тот человек, каким был.

Ему пришлось медленно восстановить доверие.

Ван Чун глубоко вздохнул. В этот момент он уже знал, что ему нужно делать.

«Молодой мастер!»

Ворота были плотно закрыты. Увидев Ван Чуна, два крепких охранника, одетые в униформу, склонили голову, чтобы поприветствовать его.

У этих мужчин были широкие плечи и высокий рост. Их присутствие ощущалось как несокрушимая башня и с единственным взглядом, было ясно, что они прошли многочисленные войны на поле битвы.

«Трудно вам обоим».

Ван Чун некоторое время помолчал рядом с ними и искренне поблагодарил их.

Он помнил этих двух охранников. Они были специально выбраны его отцом, Ван Янь, из военных казарм для охраны резиденции.

Только с дальним путешествием человек узнает выносливость своей лошади, и только со временем сердце человека прорвется. В своей предыдущей жизни Ван Чун часто не заботился об этих охранниках, даже не знал их имен. После инцидента, вызвавшего столпотворение в семье, когда все остальные охранники и домохозяйки ушли, только эти два охранника и несколько домохозяек остались рядом с ними, защищая и обслуживая их.

До прибытия великой катастрофы, которая убила двух охранников так же, как это случилось с бесчисленными другими людьми, они выполняли свои обязанности лояльно до самого конца своей жизни.

Только в этот момент их имена запечатлелись глубоко в сознании Ван Чуна. Один из них Шэнь Хай и Мэн Лун. Эти двое были самыми верными стражами всей резиденции.

«Молодой мастер?»

Оба охранника с изумлением уставились на Ван Чуна. В прошлом этот молодой мастер часто действовал надменно и высокомерно, полагая, что говорить с такими низкими стражами ему не подходит.

Подумать, что он тоже будет приветствовать их по инициативе, это был первый раз, когда он это сделал!

Оба могли видеть изумление в глазах других!

Ван Чун знал, о чем они думают, но он просто молча улыбнулся. Замерзание реки не происходит в течение одного дня мороза. Впечатление, которое каждый человек имел о нем в прошлом, было просто слишком бедным. Было бы трудно изменить мнение, которое они имели о нем за короткий промежуток времени.

Однако, сделав первый шаг, он продолжит делать второй и третий. Однажды они поймут, что он действительно изменился.

Положив ладони на голову льва, Ван Чун толкнул его с огромной силой. Джия, дверь скрипнула, громко эхо разнеслось в большом зале. После чего он вошел.

«Какой аромат!»

Перед тем, как Ван Чун ясно понял все, глубокий аромат различных деликатесов, которые вызывали слюну, доходил до его носа. В массивной комнате большой стол, которого было достаточно для более чем дюжины людей, чтобы сидеть рядом, он был помещен посередине. На нем было более двадцати роскошных блюд.

«Давно я не ел чего-нибудь такого роскошного».

С одним дуновением его аппетит разыгрался. Ван Чун почувствовал, что его желудок протестует в голоде. Размышляя об этом, он за семь дней, что был под землей, ел в основном

далекие от нынешних блюд которые были перед ним.

Однако, несмотря на щедрое расположение перед ним, что-то было не так в атмосфере.

Ван Чун почувствовал холодок в своем сердце. Подняв голову, чтобы взглянуть, он увидел мрачные выражения на лицах его отца и его матери. Никто из них не смотрел на него.

Даже несмотря на то, что запах еды задерживался вокруг обеденного стола, были два человека, которые не двигались вообще. С другой стороны, его прожорливая маленькая сестра погрузила свою голову в еду. Рука ее держала пару палочек для еды, в то время как другая держала чашу. Ее рот двигался нон-стоп, поскольку еда быстро исчезла у нее во рту. Под его углом он мог видеть только две косы на голове, подпрыгивающие вверх и вниз.

У этой маленькой сестры было только два хобби: одно было есть, а другое - играть.

Ван Чун почти упал от шока, когда увидел, как она ест. Как это может быть маленькой девочкой? Это был явно хищный зверь!

Однако, если учесть ее поразительную силу, все это имело смысл.

В его семье его маленькая сестра была единственной, кому разрешили есть за пределами официальных приемов пищи. Его прожорливая маленькая сестра обычно во время еды издавала громкие звуки с чашами и утварью, но на этот раз ее рот широко раскрылся, но не было ни единого звука. Было ясно, что с атмосферой что-то не так.

Воздух в большом зале казался таким густым, что он мог задохнуться.

«Ты! Готов!»

Захватывая миску и кушач, она вызывающе посмотрела на Ван Чуна. Она уже видела трагическую судьбу, которая вот-вот постигнет ее старшего брата.

Эта маленькая девочка может быть невинной, но она была исключительно мстительной. Она не забыла, как ее старший брат лгал ей!

У Ван Чуна не было времени, чтобы беспокоиться об этой бешеной маленькой сестре. Он знал, что хотя наказание закончилось, но этот вопрос еще далек от завершения.

«Отец мама!»

В отличие от того что было раньше, Ван Чун не шел прямо на свое место и не прятался в еду, как страус. Вместо этого он обошел вокруг обеденного стола к отцу и матери и остановился перед ними.

Увидев действия Ван Чуна, рот его маленькой сестры широко раскрылся.

Что делал ее брат? Разве он не знал, что отец и мать все еще находятся на пике своего гнева? Суицидально было подойти к ним в такой момент!

Однако, кое-что, что оставило девочку еще более потрясенной, произошло:

«... я виноват. Я разорву с ними свои отношения и буду в стороне от них в будущем».

Ван Чун извинился с опущенной головой.

Падах!

Маленькая девочка подняла палочки для еды и пристально посмотрела на брата. Она была так поражена, что ее нижняя челюсть вот-вот упадет на землю. Что случилось? Думать, что ее брат проявит инициативу, чтобы признаться в своих ошибках.

Неужели она неправильно поняла?

Протирая глаза, она подтвердила, что ничего не слышит.

В большом зале тяжелая и спокойная атмосфера немного ослабела.

На главном сиденье обеденного стола сидела леди средних лет, одетая в изумрудный шелковый халат, волосы которой были причесаны в бублик. В этот момент в глазах прекрасной женщины мелькнуло недоверие, когда ее лицо слегка дернулось.

Этот ребенок действительно признал свои недостатки?

Чжао Шу Хуа не могла поверить своим ушам. Она читала ему лекции по этому вопросу бесчисленные времена, даже прибегая к помощи и заземлению, чтобы передумать, но у него не было никаких намерений слушать ее слова вообще.

Иногда Чжао Шу Хуа считала себя неудавшейся матерью. Это сделало ее очень подавленной, просто она никогда не выражала это перед своими детьми.

Но на этот раз он взял на себя инициативу признать свои недостатки. Этот ребенок действительно изменился к лучшему?

В этот момент Чжао Шу Хуа немного испугалась.

Она очень хотела, чтобы ее ребенок действительно изменился к лучшему, но она боялась, что это окажется всего лишь ее желаемое выданное за действительное. В конце концов, его выступление в прошлом было просто отвратительно.

«Ты немощный сын! Ты все еще знаешь, как признать свои ошибки?»

Это был холодный голос. Прозвучал от отца Ван Чуна, Ван Янь. У него было суровое лицо, и у него был пронзительный взгляд, который оказывал на него сильное давление, как если бы кто-то столкнулся с копьём, острием прямо к нему.

В «Книге обрядов» говорится, что «отец должен любить, а сын должен быть сыном». Хотя Ван Чун почувствовал давление со стороны Ван Янь, он знал, что его отец уже сдерживал свою мощь, чтобы не навредить ему.

«О чем ты говоришь? Вы думаете, что Чун-эр неспособен покаяться в своих действиях? Разве вы не слышали, как он признал свои недостатки?»

Вначале Чжао Шу Хуа беспокоилась, что Ван Чун просто говорил эти слова, чтобы утешить ее. Несмотря на это, услышав слова отца Ван, она сразу же стала недовольна. В королевском суде было принято правило, что дамы не должны вмешиваться в политику и как таковые, Чжао Шу Хуа никогда не вмешивалась в военную и политическую работу Отца Ван.

Однако, поскольку отец Ван часто командовал армией, место жительства и четверо детей в основном контролировалась мадам Ван. В вопросе воспитания детей г-жа Ван владела

абсолютной властью в семье.

Отец Ван мог иметь полную власть над командованием армией в войнах, но дома его власть была ниже власти мадам Ван.

Голова Ван Чуна была опущена, но он мог отчетливо различить их выражения. У его отца все еще было стальное лицо, и он отказался смотреть на него. Однако, его цвет лица немного успокоился, и он больше не был таким же крепким и суровым, как прежде.

Ясно, что его извинения не были совершенно бесполезны.

«Я выслушаю выговор отца. В прошлом Чун-эр был слишком упрям и глуп, что вызывало печаль отца и матери. С сегодняшнего дня Чун-эр изменится».

- сказал Ван Чун, опуская голову ниже.

Это единственное предложение заставило отца Ван и мать Ван поднять голову. Оба могли видеть удивление в глазах других. Думать, что он не будет возражать, когда читает лекции, возможно, солнце сегодня встало с запада!

Его извинения, возможно, просто были в шпоре момента, но его ответ явно не был таким. Может ли этот несерьезный сын действительно измениться к лучшему?

«Чун-эр, не слушай слов твоего отца. Поторопись и сядь. Как семья, мы должны питаться вместе гармонично, неуместно иметь такое жесткое выражение на вас».

Мать Ван торопливо говорит.

Да, ответил Ван Чун. Он послушно встал на свое место и сел. Его лицо все еще опускалось, и он тихо сидел там. Отец Ван и Мать Ван еще не начали есть, поэтому Ван Чун также оставался неподвижным.

Это его действие вызвало новую волну удивления у отца Ван и матери Ван.

«Этот ребенок действительно изменился».

Тот, кто почувствовал себя самым счастливым и счастливым в этот момент, была Мать Ван, Чжао Шу Хуа.

Кто не надеется, что их собственный сын взлетит на небеса, как дракон?

Тем не менее, поведение этого ребенка разбивало ее сердце снова и снова. Может быть, на ее молитвы был дан ответ, и этот ребенок наконец стал разумным?

В этот момент Чжао Шу Хуа едва не расплакалась от счастья, которое пронеслось в ее сердце.